

М.А. Кожевина

НИКОЛАЙ АНДРИАНОВИЧ НЕКЛЮДОВ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Рассмотрена роль уголовной статистики как основополагающего компонента криминологического исследования. Анализу подвергнута концепция Н.А. Неклюдова об уголовной статистике как социокультурном феномене и как научно обоснованной методологии. Делается вывод о том, что уголовная статистика, обладая познавательным потенциалом, способна эффективно воздействовать на выбор уголовно-правовой стратегии государства и на правовую (отраслевую: уголовную, административную и т.п.) политику.

Ключевые слова: история криминологии; Н.А. Неклюдов; уголовная политика; уголовная статистика; философия преступления; методология науки.

Становление и развитие криминологии как научного направления в отечественном правоведении тесно связано с поиском в XIX столетии новой парадигмы познания права, что в значительной степени сопоставимо с состоянием криминологии начала XXI в., когда поиск новых подходов к изучению преступности и преступника не только не прекратился, но еще в большей степени приобрел многоаспектный характер [1. С. 8–13]. Как нам кажется, выстраивание параллелей в историческом и современном контексте порой приносит больший эффект в поиске, чем взгляд исследователя, дистанцированного от «устаревшего» знания о правовой действительности и ориентированного на современные технологии научного познания. Некоторые концепты, прозвучавшие в процессе формирования науки как юридические открытия, со временем ставшие, казалось бы, аксиомами, не только не утратили своей актуальности, а требуют своего дальнейшего осмысления и, возможно, нового звучания. В ряду таких актуализированных тем мы бы выделили уголовную статистику.

Известно, что уголовная статистика, как метод изучения преступности и контроля над ней, активно применялась еще в имперской России. Считается, что начало научному обоснованию русской уголовной и судебной статистики было положено запиской «О законоположении», представленной в 1801 г. в комиссию по выработке законов А.Н. Радищевым. Именно А.Н. Радищев указал на связь законотворчества и статистики, объемлющей «наблюдения общественной жизни» в количественном выражении, определяя последнюю как средство для создания эффективного закона [2. С. 52]. Идея для своего времени была более чем передовая, так как открытия в западноевропейской науке в сфере статистики вообще и в уголовной статистики в частности свершатся лишь через три десятка лет. Скорее всего этот факт сказался и на специфике развития отечественной юридической статистики как научной дисциплины. Ориентируясь на государственный опыт (министерства юстиции, министерства внутренних дел, министерства полиции) статистического учета, российское юридическое сообщество определило для себя в качестве основного метода научную критику зарубежных исследований. Намечавшаяся тенденция в полной мере вписывалась

в отечественную традицию правового мышления середины – второй половины XIX в.

Напомним, что догматическая юриспруденция доминировала в XVII – в первой половине XVIII. Во второй половине столетия, а в большей степени в XIX в. она уступила свои позиции философскому направлению в науке. Образцом для подражания в начале пути была западноевропейская правовая традиция. Философская рефлексия западноевропейского правового сознания проявлялась в последовательной смене различных школ права: естественно-правовой, исторической юриспруденции, затем социологической юриспруденции, которая к концу периода стала определяющей [3. С. 29].

Научное российское сообщество активно реагировало на эти изменения, например, Г.Ф. Шершеневич указывал на то, что «в первое время мы находимся в области естественного права, в той форме, как оно разрабатывалось германской и французской наукой. Потом на смену ему является историческое направление, долго державшее в своих руках русскую мысль, пока в последнее время не появились зачатки нового направления, в духе историко-философской школы. Русская наука проявляет замечательную чуткость и восприимчивость ко всяким новым веяниям западной науки, и чуть зародившееся на Западе направление, еще не окрепшее на отечественной почве, непременно находит сторонников и пропагандистов среди русских ученых. В этом заключается вместе и сила, и слабость русской науки» [4. С. 26].

Однако, на наш взгляд, слабость отечественной науки проявилась лишь в начале периода, когда превалировало слепое копирование западного опыта. Во второй половине XIX столетия отечественные правоведы, приобретая собственный исследовательский опыт, уже критически воспринимали западную правовую традицию, выделяли ее особенности и соотносили с российской правовой действительностью [5. С. 47–48]. Появившиеся в 1865 г. «Уголовно-статистические этюды», магистерская диссертация Николая Андриановича Неклюдова (1840–1896 гг.) [6], неопровержимо доказывали этот факт.

Молодой ученый выстраивал свои рассуждения, апеллируя к работам основоположников европейской уголовной статистики, прежде всего к научному труду Адольфа Кетле (1796–1874 гг.) «О человеке и раз-

витии его способностей, или Опыт социальной физики» (1835 г.), а также акцентировал внимание на философских размышлениях Андре-Мишеля Герри (1802–1866 гг.). Отдавая должное заслугам ученых, он одновременно подвергал серьезной критике некоторые предложенные ими выводы, логично выстраивая аргументы и доказательства в пользу иного видения уголовной статистики. Он пишет: «Я не стану распространяться о достоинствах этих сочинений, ибо они сами говорят за себя. Я остановлюсь только на общем их недостатке по отношению к уголовному праву» [6. С. 35–36].

Этот недостаток он связывал с отсутствием соответствующей методики и технологии исследования. Последняя позволяла бы осуществить последовательность и плановость изыскания, установить критерии, на основе которых начиналось бы изучение преступности и преступника. В качестве «исходного пункта» он предлагал определить возраст человека, который, по мнению ученого, аккумулирует всю полноту духовных и физических свойств человека, а также позволяет установить взаимосвязи и степень взаимозависимости человеческого поведения и внешней среды, в которой это поведение проявляется [Там же. С. 36].

Следует отметить, что современная криминология, спустя более 150 лет, не только не отказалась от этого критерия аналитики, а воспринимает его аксиоматично, вовлекает его как обязательный в криминологическую характеристику исследуемых объектов [1. С. 167].

Но главная заслуга Н.А. Неклюдова, позволяю утверждать, заключается не только и не столько в предложенной методике изучения криминогенных ситуаций, а в системном взгляде в контексте обозначенного аспекта на уголовную статистику как научно обоснованную методологию. И именно этот взгляд на науку не утратил своей актуальности, несмотря на прошедшее время. Свой подход к статистическому исследованию преступности и преступника Николай Андрианович предваряет дискуссией с западноевропейскими учеными о том, что есть уголовная статистика, каково ее предназначение, каковы ее цели и задачи и каким образом они решаются исследователем, каковы возможности статистического метода познания, как уголовная статистика связана с уголовной политикой государства, в какой степени она способна воздействовать на нее?

Центральным звеном концепции является понятие уголовной статистики: «Уголовная статистика, – пишет автор работы, – есть выраженный цифрами отчет о преступных и безнравственных действиях какого-либо народа или каких-либо народов. Всякое число или цифра имеет то характеристическое свойство, что она в состоянии выражать собою не только *количественность*, но и *качественность* (здесь и далее курсив Н.А. Неклюдова. – М.К.), не только сумму деяний, но и их характер. Следовательно, уголовная статистика есть одновременный отчет не только о *степени* безнравственной и преступной жизни, но и о ее *характере и свойствах*» [6. С. 3]. Указывая на все качественные и количественные свойства статистических данных, он заключает, что «наука, занимающаяся исследованием преступления на основании данных уго-

ловной статистики, есть *философия преступления как деяния*» [6. С. 3]. Таким образом, ученый определяет основной научный подход к изучению безнравственного и преступного деяния – философский, позволяющий взглянуть на преступную жизнь как на явление, имеющее причины возникновения, формы проявления, условия существования и видоизменения как количественные, так и качественные.

Философию вообще ученый воспринимает как сложное познавательное средство, способствующее достижению научной цели. Он выделяет философию преступления субъективную или философию уголовного права, посредством которой выявляются отношения, в которых «находится преступное действие к нашему духу», т.е. умышленное ли это действие согласно «злой воле и произволу свободного лица» или неизбежный «рок судьбы». А также философию преступления объективную, задача которой исследовать те отношения, «в которых стоит преступное действие *к внешнему миру*, т.е. рассмотреть те *внешние* условия, при которых произвол лица, его злая воля, или что-либо тому подобное имеют наиболее шансов к воплощению себя во внешнем мире, наиболее склонности употребить свои духовные силы и способности на злое дело» [Там же. С. 4].

И далее молодой юрист-исследователь (к тому времени не имеющий достаточного опыта государственной деятельности) делает концептуально важное заключение о том, что цель объективной философии преступления, руководствуясь статистическими данными, собранными *самим государством*, «служить помощницею или правой рукою *уголовной политике государства*», «содействовать отправлению уголовной политики через указания какие меры должны быть приняты и какая из принимающихся наиболее сродны к пресечению преступлений». Она «дает государству твердую точку опоры и ручательство в том, что всякая его издержка», направленная на улучшение жизни и быта общества, будет «благодетельной реформой» в решении задачи превенции преступности [Там же. С. 5].

Таким образом, анализируя вышеизложенное, несмотря на некоторую идеализацию уголовной статистики, можно выделить несколько важных и не утративших своей научной значимости положений. Во-первых, уголовная статистика как метод научного познания является одним из основополагающих компонентов криминологического исследования. Во-вторых, статистические данные в основе своей объективны, поэтому позволяют выявить как количественные, так и на основе контент-анализа качественные характеристики «преступной жизни». В-третьих, уголовная статистика дает комплексное видение этой жизни, в которой есть человек с его внутренним миром и среда, в которой он обитает и которая воздействует на его поведение. И, в-четвертых, уголовная статистика, обладая всем этим познавательным потенциалом, способна воздействовать на выбор уголовно-правовой стратегии государства и на правовую (отраслевую: уголовную, административную и т.п.) политику.

Что касается последней, то, как нам кажется, термин «уголовная политика государства», приближен-

ный к современному звучанию, в научный оборот отечественной юриспруденции вводится впервые именно Н.А. Неклюдовым. Повышенный интерес к этой проблеме проявится позже, к концу XIX – началу XX столетия. Именно тогда выйдут не безызвестные труды М.П. Чубинского [7, 8] и С.К. Гогеля по уголовной политике [9], а также Л.И. Петражицкого по гражданской политике [10]¹ и др.

Тема правовой политики на пике научного интереса и сегодня. Российское юридическое сообщество дискутирует не только по общетеоретическим вопросам – что понимается под правовой политикой, каковы ее стратегия и тактика, каким образом она формируется и реализуется, какие факторы способствуют ее эффективности и т.д. [11–13], но научное сообщество отраслевых наук не в меньшей степени заинтересовано в решении обозначенных вопросов в контексте задач отдельных отраслей права. В этой связи поднимается и тема о межотраслевых связях и методах познания [14–18], об использовании зарубежного опыта [19–21]. Однако научные дискуссии порой очень далеки от правовой действительности и государственного правотворчества [1, 22, 23]. Как следствие, в отдельных случаях появляется малоэффективное законодательство, которое подвергается постоянной редакции, вносимые изменения и дополнения являются сиюминутной реакцией на меняющиеся общественные отношения, на пробел в законе или правовую коллизию. Мнение и рекомендации ученых в малой степени учитываются, а криминологические изыскания порой используются как подтверждение тому, как не надо было делать [1. С. 36]. Следует отметить, что столь специфическая традиция взаимодействия законодателя и ученых в России сложилась еще в имперский период. Например, А.Г. Станиславский отмечал в середине XIX в.: «Между тем как в других государствах успехи законодательства вызывали нередко деятельность общественной власти к усовершенствованию законодательства, в России наоборот, по мере того как слагались и совершенствовались законы, и учение о них приобретало большее значение и подвигалось вперед – такова отличительная черта Русского законодательства» [24. С. 29]. Или Г.С. Фельдштейн пишет: «Из истории права Запада мы знаем, что зачастую ученая деятельность юристов не только вела за собой законодательство, но и вкладывало в него определенное содержание, в русском праве ученая разработка права играла роль вторичную. При таких условиях деятельность официальных органов, направленная на выработку проекта закона, на кодификацию и проч., выступала суррогатом деятельности научной и, отражая на себе научное влияние юристов и законодательств соседних стран, являлась в то же время очень часто как бы равнодействующей определенных практических целей законодателя и научной доктрины...» [25. С. 4].

К сожалению, эта традиция находится в тренде и в наши дни. Тем более звучат по-современному слова Н.А. Неклюдова о том, что «уголовная политика государства, основанная на уголовной статистике, будет *государственная мудрость*, против которой бессильна всякая борьба, потому что каждая такая мера, каж-

дый такой закон будет, по прекрасному выражению Цицерона, “nonlata, sednata”, т.е. не созданным искусственно, а выбранным жизнью, – а жизнь не может противодействовать своим же собственным потребностям и благу!» [6. С. 5].

Определяя главное предназначение философии преступления, опирающейся на уголовную статистику («имеет своим предметом... не отношение преступления к нашему духу, а отношение его к внешнему миру...»), ученый раскрывает и свое понимание оснований последней. «Основание или исходный пункт статистики, – пишет он, – весьма прост и понятен: *нет действия без причины*. В этом факте сходятся между собою люди всех школ и партий...» [Там же. С. 6]. При этом отграничивает причины внутренние («злую волю») и причины внешние (*внешние условия*). Первые, по мнению Н.А. Неклюдова, «весьма трудно» или «совершенно» не поддаются исследованию, то вторые «могут быть удобно взвешены, измеримы и сочтены, словом наблюдаемы» [Там же. С. 7]. Таким образом государство приобретает относительно надежный и объективный источник для формирования уголовной политики, ее вместе с уголовной статистикой автор определяет как «достояние новейшей **культуры** (выделено нами. – М.К.)» [Там же. С. 8]. Это заключение имеет глубокий смысл и непреходящее значение не только для развития криминологии как науки, а для юридической науки и практики в целом. Правовая политика государства, как нам кажется, есть одна из форм проявления определенного уровня политической и правовой культуры общества, следовательно, и уровня самой жизни этого общества. И если статистика указывает на внешние причины, поддерживающие низкий уровень жизни, высокий уровень преступности, то становится очевидной слабость и инертность государства.

Молодой ученый оптимистично приходит к выводу, что высоко организованное государство посредством правовой (или уголовной) политики может предопределить будущее, опираясь на достаточно развитую правовую культуру общества, системно изменять условия, не только пресекающие, но и истребляющие преступность. Он выделяет совокупность мер, которые выполняют превентивную и репрессивную задачи. К первым относит наказание, как средство «парализующее зло», т.е. воздействующее на внутренние условия преступления, и это, он считает, дело суда. Ко вторым относит уголовную политику, которая предназначена для выявления и «истребления самих причин, изменения характера самих факторов преступления» [Там же. С. 234–235]. Исследователь выделяет пять групп факторов, которые, на его взгляд, в первую очередь должны быть подвержены «наблюдению» и учтены государством в процессе выработки уголовной политики. В основе градации лежит ранее указанный критерий – возраст правонарушителя. Вот эти группы – «1) порядок управления; 2) неразвитость и неопытность организма; 3) отсутствие попечения, как умственного, так и материального; 4) характер человека; 5) имущественные отношения» [Там же. С. 235]. Раскрывая содержание каждой группы факторов, он указывает и пути («лекарства против») изме-

нения внешних условий для преступности. В их числе широкомасштабные «реформы общественного строя», «воспитание и надзор», «обучение занятиям, труду и улучшению материального быта». «Вот те орудия, которыми может быть парализована злая воля» [6. С. 248], – убежден Н.А. Неклюдов.

Заметим, что простые и не двусмысленные, но в то же время не обделенные большой глубиной и нравственным началом «рецепты» воздействия на источники преступности не только не утратили своей значимости, а остаются современными, и вряд ли к ним можно добавить что-то новое. Николай Андрианович Неклюдов, завершая свой первый большой научный труд, выразил надежду, что если «удалось указать на связь причин и следствия, так сказать на внутреннюю логику явлений; если... удалось показать, что преступление, как явление людское, общественное, находится в тесной связи с другими функциями человеческого организма, если, наконец, несколько тысяч сделанных... вычислений окажут, хотя малейшую подмогу какому-нибудь криминалисту – то я почту себя вполне удовлетворенным» [Там же. С. 250].

Смею утверждать, что надежды оправдались, системный взгляд молодого ученого на преступность и первая в отечественной юридической науке широкая постановка криминологических проблем не только не остались незамеченными, а получили поддержку и продолжение, остаются ориентиром в криминологических исследованиях и сегодня. К примеру, в основу информационной модели преступности положен постулат об основополагающей роли уголовной статистики в формировании уголовной политики государства. Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский придали ему современное звучание. Они пишут: «Если говорить о “мире” наиболее тяжелой человеческой деструктивности, т.е. преступности, то представление о размере и свойствах этого “мира”, а также о том, как он управляется (как “сдерживается”, что ему противостоит, какова эффективность “управления” этим миром и т.д.), должна давать *статистика уголовной юстиции* (здесь и далее курсив авторов. – М.К.)». И продолжают: «Поскольку уголовное правосудие (уголовная юстиция) представляет собой систему правовых институтов и функционально систематизированную совокупность государственных органов, а также (что несомненно в системе развитого правосудия) общественных организаций, то *и статистика уголовной юстиции представляет собой системную инфраструктуру юстиции, имеющую познавательную и управленческую функцию*» [1. С. 117].

В заключение отметим, что уникальное явление в отечественной юридической науке – Николай Андрианович Неклюдов – по достоинству было оценено его современниками [26]. Он ученик В.Д. Спасовича и К.Д. Кавелина. Первый из них назвал его «восходящим светилом», а второй автором, погруженным «в поэзию науки». В речи, произнесенной на заседании уголовного отделения юридического общества при Санкт-Петербургском университете в 1897 г., посвященной памяти Н.А. Неклюдова, профессор В.Д. Спасович с теплом вспоминал «годы самого кипучего движения жизни мысли, дела, которое раз только и

было исполнено Россией в начале шестидесятых годов», связывая эти годы с одним из талантливых своих учеников, о котором вспоминал с не меньшим теплом и любовью. «На всех курсах и публичных лекциях, – писал он, – и на всех сходах видна впереди других и сразу бросается в глаза, и врезается в память фигура молодого человека высокого, сухощавого, с весьма смуглым, почти оливкового цвета лицом, с черными как смоль откинутыми назад волосами, с горящими как две свечи глазами и руками обыкновенно скрещенными на груди. Тип лица, в особенности рассматриваемый в профиле, напоминал мне изображения, начертанные на египетских обелисках и памятниках, тип молодого красивого египтянина. В выражении лица не замечалось никакой нежности, никакой мечтательности, оно поражало бойкостью, энергией и напряженностью внимания. Этот молодой человек и был Неклюдов, саратовец или симбирец, не знаю, родившийся в 1840 г. и поступивший сначала на физико-математический факультет, а уже потом перешедший на юридический» [26. С. 35].

По окончании университета Н.А. Неклюдов проходил стажировку в университетах Франции и Германии. Вернувшись, представил ученому сообществу магистерскую диссертацию «Уголовно-статистические этюды». Значительно позже один из учеников Николая Андриановича, а затем коллега, ординарный профессор военно-юридической академии В.Д. Кузьмин-Караваев указывал на непреходящее методологическое значение труда, написанного еще молодым и не очень опытным исследователем, считая, что тот «придал статистическому методу исследования науки уголовного права исключительное значение» [27. С. 488]. В.Д. Спасович несколько ранее писал об «Уголовно-статистических этюдах» Н.А. Неклюдова: «Литература обогатилась трудом замечательным. Явился не юноша, а зрелый муж во всеоружии таланта, в совершенстве владеющий новым методом исследования и не лишенный некоторой самоуверенности и беззастенчивости, которые могут и не понравиться ученому ареопагу, но украшают молодого бойца...» [Там же. С. 37].

Последующая жизнь Н.А. Неклюдова была связана с государственной деятельностью, в которой в полной мере проявились его ум, талант и «бойцовские» качества. В 1866 г. он становится мировым судьей Санкт-Петербурга, затем председателем столичного съезда мировых судей, затем служба в Министерстве юстиции (1871 г.), в Сенате в качестве обер-прокурора уголовного кассационного департамента (1878 г.), в качестве товарища государственного секретаря (1885 г.) и в Министерстве внутренних дел в должности товарища министра внутренних дел (1895 г.). Из жизни Николай Андрианович ушел фактически в расцвете своих творческих сил, в возрасте 46 лет. Однако успел, несмотря на государственную занятость, оставить многочисленные труды по уголовному процессу и уголовному праву [28–30]. «Суждения Н.А. Неклюдова всегда оригинальны. Анализ каждого явления, каждого положения всегда доведен до конца, – характеризовал его научный вклад В.Д. Кузьмин-Караваев. – Ход мысли всегда так логичен, что не поддаться ему не

возможно. В способности умело классифицировать материал, сводить его в отделы и рубрики по строго продуманной, и не сложной, а всегда ясной, простой системе он мало имел равных. Здесь, несомненно, сказался в нем математик. Изложение его всегда увлекательное, блестящее. Язык точный и образный. Сравнения положительно великолепны. Они великолепны по своему бесконечному разнообразию (в тексте уголовно-статистических этюдов есть и эллипсисы, и треугольники) по неожиданности, смелости, подчас, пожалуй, резкости. И в то же время они всегда метки, убедительны, обрисовывают мысль ясно, что, кажется, она тут, на ладони» [27. С. 489].

Таким Н.А. Неклюдов запомнился своим коллегам. К сожалению, в советское и постсоветское время научное творчество Николая Андриановича Неклюдова не попало в поле зрения российских юристов [31. С. 79; 32]. Молодой талантливый человек в начале своего творческого пути написал незаурядный научный труд (а позже не менее талантливые произведения по уголовному праву), который стал не только открытием для юридического научного сообщества середины XIX в., но, думается, станет открытием и для исследователей правовой жизни России сегодня, так как несмотря на ощущение познано-го, эта и иные работы таят в себе еще много неизведанного и ждут своего почитателя.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Труд Л.И. Петражицкого на соискание ученой степени доктора римского права назывался «Права добросовестного владельца на доходы с значения добросовестности для гражданского законодательства с точек зрения догмы и политики гражданского права».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / под ред. К.К. Горяинова. М. : Норма, 2012. 272 с.
2. Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М., 1961. 303 с.
3. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ ; Издательская группа ИНФО-М ; НОРМА, 1998. 624 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М. : Статут, 2003. 250 с.
5. Кожевина М.А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. Омск : Омская академия МВЖ Росии, 2013. 198 с.
6. Неклюдов Н. Уголовно-статистические этюды. Этюд первый. Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. СПб., 1865. 255 с.
7. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики (Понятие, история и основные проблемы уголовной политики, как составного элемента науки уголовного права). Харьков, 1905. 536 с.
8. Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. 448 с.
9. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб., 1910. 507 с.
10. Журнал юридического общества. М., 1898. Книга четвертая – апрель. С. 33–36.
11. Исаков Н.В. Правовая политика современной России: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2004. 459 с.
12. Малько А.В. Теория правовой политики. М. : Юрлитинформ, 2012. 325 с.
13. Малько А.В., Матузов Н.И. Правовая политика России: теория и практика / под ред. А.В. Малько, Н.И. Матузов. М. : ТК Велби ; Изд-во Проспект, 2006. 752 с.
14. Лиховая С.Я., Ланцедова Ю.А. Полинаучная сущность криминологии по новой классификации юридических наук // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 465–472.
15. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 5–14.
16. Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 116–127.
17. Судакова Т.М., Номоконов В.А. Осмысление будущего криминалистики: обзор современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 531–540.
18. Суходолов А.П., Московец А.Ф. Криминологический дискурс: «классика», современность, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 13, № 2. С. 181–196.
19. Maruna Sh., Matravers A. Criminology and the person // Theoretical Criminology. 2007. Vol. 11, № 4. P. 427–442.
20. Police, Crime and the problem of weak instruments: revisiting the “Mort police, less crime” thesis / TV. Kovandzic et al. // Journal of Quantitative Criminology. 2016. Vol. 32, is. 1. P. 133–158.
21. Stichley A., Koynagi A., Roberts B., Rotman D., McKee M. Criminal victimization and health: Examining the relation in nine countris of the former Soviet Union // Social Science and Medicina. 2013. Vol. 91. P. 76–83.
22. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М. : Норма, 2006. 144 с.
23. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
24. Станиславский А.Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. Казань, 1853. 100 с.
25. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Изд-во «Зерцало», 2003. 542 с.
26. Спасович В. Памяти Н.А. Неклюдова // Журнал юридического общества. М., 1898. Книга четвертая – апрель. С. 37–38.
27. Правовая наука и юридическая идеология в России. Энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В.М. Сырых. М. : РАП, Издательская группа «Юрист», 2009. Т. 1. 920 с.
28. Учебник уголовного права. Часть общая и особенная А.Ф. Беннера. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному магистра уголовного права Н. Неклюдова. Вып. I. Часть общая. СПб., 1868. 170 с.
29. Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Т. 1. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1872. 852 с.
30. Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Т. 2. Уставы о наказаниях. СПб., 1874. 815 с.
31. Неклюдов Н. Руководство к особенной части уголовного права. СПб., 1876–1880. Т. 1–4.
32. Максимова Е.Н. Зарождение и эволюция уголовно-правовых взглядов Н.А. Неклюдова // Юридический мир. 2006. № 8. С. 77–80.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июня 2019 г.

The aim of the article is to actualize and give a new meaning to the concept “criminal statistics”, which emerged during the formation of legal science and eventually became axiomatic, to fill it with a more modern content based on the analysis of the historical experience of the pre-revolutionary Russian legal science. The master’s thesis “Criminal Statistical Studies” of Nikolai Neklyudov, published as a separate edition in 1865, is analyzed. The article draws parallels in the historical and contemporary context regarding the approaches to the study of crime and the criminal, which allows the author to distance himself from the “outdated” knowledge of legal reality and propose a different way of studying the criminal environment and the formation of the criminal policy of the state. The study reveals the main provisions of Neklyudov’s concept of criminal statistics as a scientifically based methodology. The scholar proposes to start with the age of a person, which accumulates the fullness of the person’s spiritual and physical features and allows establishing the interrelations and the interdependence of human behavior and the external environment in which this behavior manifests itself. The central element of the concept is the concept of criminal statistics. The main scientific approach to the study of immoral and criminal acts is determined: a philosophical one, which makes it possible to look at criminal life as a phenomenon with its causes, forms of manifestation, conditions of existence and modifications, both quantitative and qualitative. The analysis of Neklyudov’s thesis shows several important and scientifically relevant provisions. Criminal statistics as a method of scientific knowledge is one of the fundamental components of criminological research. Statistical data are objective; therefore, it is possible to identify both quantitative and qualitative (via content analysis) characteristics of “criminal life”. Criminal statistics provides a comprehensive vision of this life, in which there is a person with their inner world and the environment they live in, and which affects their behavior. Criminal statistics, with its educational potential, can influence the choice of the criminal law strategy of the state and the legal (sectoral: criminal, administrative, etc.) policy. Criminal policy together with criminal statistics is defined as the “weal of modern culture”. The latter conclusion has a deep meaning and an eternal importance not only for the development of criminology as a science, but also for legal science and practice in general. The legal policy of the state is one of the forms of manifestation of a certain level of political and legal culture of society and, therefore, the level of the very life of this society. If statistics indicate the external causes that support a low standard of living and a high level of crime, the weakness and inertia of the state become apparent.

REFERENCES

1. Kondratyuk, L.V. & Ovchinskiy, V.S. (2012) *Kriminologicheskoe izmerenie* [Criminological measurement]. Moscow: Norma.
2. Ostroumov, S.S. (1961) *Ocherki po istorii ugolovnoy statistike dorevolutsionnoy Rossii* [Essays on the history of criminal statistics of pre-revolutionary Russia]. Moscow: [s.n.].
3. Berman, H.J. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: Moscow State University; Izdatel'skaya gruppa INFO-M; NORMA.
4. Shershenevich, G.F. (2003) *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* [The science of civil law in Russia]. Moscow: Statut.
5. Kozhevina, M.A. (2013) Stanovlenie i razvitie otechestvennoy yuridicheskoy nauki v XVIII–XIX vv. [Formation and development of domestic legal science in the 18th–19th centuries]. Omsk: Omsk Academy of the MIA of Russia.
6. Neklyudov, N. (1865) *Ugolovno-statisticheskie etyudy. Etyud pervyy. Statisticheskiy opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnykh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu* [Criminal statistical studies. Study One. Statistical experience in studying the physiological significance of various ages of the human body in relation to crime]. St. Petersburg: V tipografii N. Tiblena i Komp.
7. Chubinskiy, M.P. (1905) *Ocherki ugolovnoy politiki (Ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugolovnoy politiki, kak sostavnogo elementa nauki ugolovnogo prava)* [Essays on criminal policy (concept, history and main problems of criminal policy as an integral element of the science of criminal law)]. Kharkov: Tip. “Pech. delo” kn. K. N. Gagarina.
8. Chubinskiy, M.P. (1909) *Kurs ugolovnoy politiki* [A criminal policy course]. Yaroslavl: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
9. Gogel', S.K. (1910) *Kurs ugolovnoy politiki v svyazi s ugolovnoy sotsiologiyey* [A criminal policy course in connection with criminal sociology]. St. Petersburg: tipografiya A. G. Rozena.
10. *Zhurnal yuridicheskogo obshchestva*. (1898) Book 4. April. pp. 33–36.
11. Isakov, N.V. (2004) *Pravovaya politika sovremennoy Rossii: problemy teorii i praktiki* [Legal policy of modern Russia: Problems of theory and practice]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
12. Mal'ko, A.V. (2012) *Teoriya pravovoy politiki* [Theory of legal policy]. Moscow: Yurлитinform.
13. Mal'ko, A.V. & Matuzov, N.I. (2006) *Pravovaya politika Rossii: teoriya i praktika* [Legal policy of Russia: theory and practice]. Moscow: TK Velbi; Izd-vo Prospekt.
14. Likhovaya, S.Ya. & Lantsedova, Yu.A. (2017) The Polyscientific Nature of Criminology in the New Classification of Legal Sciences. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11 (3). pp. 465–472. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).465-472
15. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2018) General Social Determinants of Crime. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (1). pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).5-14
16. Kirillova, N.P. & Smirnova, I.G. (2018) Key Scripts of Contemporary Criminal Procedure Policy. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (1). pp. 116–127. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).116-127
17. Sudakova, T.M. & Nomokonov, V.A. (2018) Understanding the Future of Criminology: an Overview of Current Trends. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (4). pp. 531–540. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).531-540
18. Sukhodolov, A.P. & Moskovets, A.F. (2019) Criminological Discourse: “Classics”, Modernity, Prospects. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13 (2). pp. 181–196. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).181-196
19. Maruna, Sh. & Matravers, A. (2007) Criminology and the person. *Theoretical Criminology*. 11 (4). pp. 427–442.
20. Kovandzic, T.V. et al. (2016) Police, Crime and the Problem of Weak Instruments: Revisiting the “More Police, Less Crime” Thesis. *Journal of Quantitative Criminology*. 32 (1). pp. 133–158.
21. Stichley, A. et al. (2013) Criminal victimization and health: Examining the relation in nine countris of the former Soviet Union. *Social Science and Medicine*. 91. pp. 76–83.
22. Alekseev, A.I., Ovchinskiy, V.S. & Pobegaylo, E.F. (2006) *Rossiyskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa* [Russian criminal policy: overcoming the crisis]. Moscow: Norma.
23. Lopashenko, N.A. (2009) *Ugolovnaya politika* [Criminal policy]. Moscow: Volters Kluver.

24. Stanislavskiy, A.G. (1853) *O khode zakonovedeniya v Rossii i o rezul'tatakh sovremennogo ego napravleniya* [On the course of law in Russia and the results of its modern direction]. Kazan: Tipografiya Universiteta.
25. Fel'dshteyn, G.S. (2003) *Glavnye techeniya v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii* [The main trends in the history of the science of criminal law in Russia]. Moscow: Izd-vo "Zertsalo".
26. Spasovich, V. (1898) Pamyati N.A. Neklyudova [In memory of N.A. Neklyudov]. *Zhurnal yuridicheskogo obshchestva*. Book 4. April. pp. 37–38.
27. Syrykh, V.M. (ed.) (2009) *Pravovaya nauka i yuridicheskaya ideologiya v Rossii. Entsiklopedicheskiy slovar' biografii* [Legal science and legal ideology in Russia. Encyclopedic Dictionary of Biographies]. Vol. 1. Moscow: RAP, Izdatel'skaya gruppa "Yurist".
28. Benner, A.F. (1868) *Uchebnik ugovnogo prava. Chast' obshchaya i osobennaya A.F. Bennera. S primechaniyami, prilozheniyami i dopolnениyami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu magistra ugovnogo prava N. Neklyudova* [Textbook of criminal law. General and special parts by A.F. Benner. With notes, appendices and supplements on the history of Russian law and the legislation by the master of criminal law N. Neklyudov]. Is. I. St. Petersburg: V tipografii N. Tiblena i Komp.
29. Neklyudov, N. (1872) *Rukovodstvo dlya mirovykh sudey* [Guide for Justices of the Peace]. Vol. 1. St. Petersburg: tipografiya V. Demakova.
30. Neklyudov, N. (1874) *Rukovodstvo dlya mirovykh sudey* [Guide for Justices of the Peace]. Vol. 2. St. Petersburg: tipografiya P. P. Merkul'eva.
31. Neklyudov, N. (1876–1880) *Rukovodstvo k osobennoy chasti ugovnogo prava* [Guide to the special part of criminal law]. Vols 1–4. St. Petersburg: tip. P.P. Merkul'eva.
32. Maksimova, E.N. (2006) Zarozhdenie i evolyutsiya ugovno-pravovyykh vzglyadov N.A. Neklyudova [The Origin and Evolution of the Criminal Law Views of N.A. Neklyudov]. *Yuridicheskiy mir*. 8. pp. 77–80.

Received: 17 June 2019